

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Красный пилигрим

Эпизоды жизни Джеймса Хартфилда

Американец Джеймс Хартфилд (Хайме Неварес Сагер) — одна из самых таинственных фигур в истории международного коммунистического движения. Он сыграл ключевую роль в формировании коммунистического движения в Пуэрто-Рико и Колумбии. При этом о нем самом известно очень немного. В настоящей статье предпринята попытка восстановить — на основе документов архива Коминтерна — важный этап его жизненного пути, связанный с деятельностью в качестве эмиссара мировой коммунистической партии в карибском регионе.

Ключевые слова: Коминтерн, Пуэрто-Рико, Колумбия, эмиссары, Антиимпериалистическая лига.

В деятельности III, Коммунистического, Интернационала как «единой мировой коммунистической партии» важную роль играли организационные связи, позволявшие управлять этим сложным международным механизмом. Среди инструментов воздействия Москвы на национальные секции были тесная организационная и информационная связь, взаимное представительство на конференциях, съездах, обмен руководящими силами. В особенности это касалось секций Коминтерна метрополий с колониями и полуколониями¹.

Метрополией Латинской Америки считались США, и для американской компартии отношения с латиноамериканскими товарищами имели особое значение. Теоретически значимость сотрудничества коммунистов Северной и Южной Америки была обозначена еще в выступлениях делегата Коммунистической партии Америки (Communist Party of America, CPA) Луиса Фрайны на II конгрессе Коминтерна в 1920 г., а также в написанном им и одобренном Исполнительным комитетом Коммунистического интернационала (ИККИ) воззвании «Американская революция». Немаловажным

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета и профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, представитель ИЛА РАН в Санкт-Петербурге (ilaranspb@hotmail.com).

было существование довольно многочисленной испаноязычной диаспоры в США, многие представители которой участвовали в рабочем и антиимпериалистическом движении. При этом серьезной активности в вопросах организации этой работы американские коммунисты не проявляли. В первую очередь это было связано с трудностями внутреннего развития коммунистического движения, его расколом и нелегальным статусом партии.

В тезисах VI расширенного пленума ИККИ Латинская Америка рассматривалась как опорный пункт освободительного движения против империализма США, а латиноамериканские народы — как «угнетенные нации, которые раньше или позже втянутся в борьбу против империализма США». Исходя из этих теоретических установок, пленум потребовал от Рабочей (коммунистической) партии Америки (Workers' (Communist) Party of America, W(C)PA) «стать партией, умеющей ставить вопросы о гегемонии пролетариата во всем освободительном движении, борющегося против империалистов США». Перед коммунистами США ставилась задача установить теснейшую связь с рабочими движениями на Кубе, Филиппинах и поддерживать их антиимпериалистическую борьбу. В связи с этим ЦК W(C)PA предписывалось выделить «серьезную группу работников, которая по соглашению с президиумом Исполкома Коминтерна должна принять участие в постоянной работе в Южной Америке»². Естественно, на партии, имевшей большой опыт, проверенные кадры, большие финансовые и пропагандистские возможности, лежала и большая ответственность: выполнять по отношению к неопитам коммунистического движения роль «старшего брата».

Функцию «серьезной группы работников», выделенной W(C)PA для помощи южноамериканскому революционному движению, выполнили два члена североамериканской секции. Одним был Рассел Блекуэлл (Росалио Негрете), ставший позднее известным благодаря активному участию в троцкистском движении. Другим являлся Джеймс Хартфилд (Хайме Неварес Сагер), одна из самых таинственных фигур в истории III Интернационала в Западном полушарии. Он часто упоминается в литературе, при этом подробности его жизни остаются «за кадром». Словно *Deus ex machina*, он неожиданно появился в документах W(C)PA и Коминтерна как исполнитель важной международной миссии с полномочиями, полученными от исполнительного секретаря партии Чарльза Рутенберга. Бурная деятельность, в течение пяти лет развернутая Хартфилдом в нескольких странах Латинской Америки, судя по его активной переписке с Политическим комитетом W(C)PA дала интересные результаты, позволяющие изменить представление о некоторых событиях истории компартий. Хартфилд был в числе основателей двух коммунистических партий и групп — Пуэрто-Рико и Колумбии — и занимал в них высокое положение.

Столь же неожиданно Хартфилд исчезает — будто его никогда не было. Многолетние поиски сведений о его личности в фондах Коминтерна в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) практически ничего не дали. Не удалось обнаружить и его личного дела. Неизвестными остаются настоящая фамилия Хартфилда, национальность, профессия³, год и место рождения. Только недавно в сборнике документов по истории компартии Колумбии опубликованы групповые фотографии, на которых он идентифицирован⁴. До нас дошло больше информации о делах Хартфилда, чем о нем самом.

Пока неясно, как Хартфилд оказался в Латинской Америке: выполнял ли изначально задание партии или сам предложил услуги в качестве ее разъездного агента, решая при этом свои задачи. Нет ясности и в вопросе о организационно-финансовой стороне его миссии. Либо партия его не финансировала, либо материальное обеспечение было столь мизерным, что в конечном итоге он был вынужден прервать работу по организации коммунистического движения в Пуэрто-Рико и переехать в Нью-Йорк, чтобы больше никогда не возвращаться на остров, бросив дело, которым упорно и небезуспешно занимался длительное время⁵. Важно отметить, что в тот момент, когда W(C)РА получила поручение поддерживать коммунистическое движение в зависимых от США странах, Хартфилд оказался для партии нужным человеком в нужном месте, при этом находившимся «в свободном плавании», действовавшим автономно.

В Пуэрто-Рико американский коммунист реализовал идею, считавшуюся весьма перспективной в середине 1920-х годов. Одними из важнейших задач Коминтерн считал усиление своего присутствия в Латинской Америке, укрепление рядов существующих национальных секций и создание новых. Магистральным направлением работы стала организация континентального антиимпериалистического движения, позволявшего расширить число союзников компартий, привлечь к совместным политическим проектам не только традиционного партнера в лице профсоюзов, но и крестьянское движение, беспартийных интеллектуалов из числа некоммунистических левых и революционных националистов. Инструментом проведения этой политики стала основанная в 1925 г. по инициативе Коммунистической партии Мексики (Partido Comunista de México, PCM) Всеамериканская антиимпериалистическая лига (Liga Antimperialista de las Américas, LADLA). Большинство исследований деятельности LADLA посвящены изучению ее работы в тех странах, где были достигнуты наибольшие успехи, — в Мексике, Аргентине и на Кубе⁶. Лига стремительно развивалась во многих районах Латинской Америки, что позволяло ей вести эффективную борьбу против империи янки.

Основатели LADLA видели в лиге механизм построения мощного движения, возможность формирования в отдельных странах компартий на основе антиимпериалистических организаций, инструмент их превращения в массовые партии. При этом отдельно оговаривалось, что связь лиги с Коминтерном должна «оставаться за скобками», на организацию не рекомендовалось навешивать «коммунистический ярлык»⁷, который мог бы привести к провалу лиги как широкого антиимпериалистического фронта.

Первый шаг по реализации задач сделала PCM на Кубе. По ее инициативе 29 марта 1925 г. Коммунистическая группа Гаваны (Agrupación Comunista de La Habana, ACH) поручила Алехандро Баррейро и Франсиско Пересу Эскудеро создать кубинскую секцию лиги. В письме, опубликованном в журнале «El Libertador», лидер кубинского студенческого движения Хулио Антонио Мелья гарантировал ее быстрое формирование: его уверенность в успехе объяснялась тем, что эта работа уже была начата в университете, а также поддержкой, которую ACH оказала проекту. Следующим шагом стало участие члена ЦК PCM Энрике Флореса Магона в первом Национальном съезде коммунистических групп⁸. После основания Коммунистической партии Кубы (Partido Comunista de Cuba, PCC) секция LADLA продолжала эффективную деятельность в тесном контакте с партией и под ее контролем.

Хартфилд же добился успеха на другом карибском острове, основав секцию LADLA и Коммунистическую лигу Пуэрто-Рико (Liga Comunista de Puerto Rico, LCPR)⁹. Он приехал туда в 1925 г. Отчеты о работе американец направлял секретарю североамериканской секции LADLA Мануэлю Гомесу (Чарльзу Филлипсу) и генеральному секретарю W(C)PA Ч.Рутенбергу. Возможно, только эти два руководителя и были в курсе подробностей его миссии. В соболезновании, выраженном LCPR по поводу смерти Рутенберга, подчеркивалось, что лига создана усилиями Х.Невареса Сагера, «который работал, подобно Титану, для достижения цели», а сам эмиссар американской партии в письмах ее новому лидеру Джею Ловстону настаивал на изучении ситуации и продолжении линии Рутенберга в Пуэрто-Рико¹⁰.

Значительная часть документов напечатана на бланках пуэрториканской секции LADLA, что позволяет с уверенностью говорить о наличии двух составляющих его задач: чисто партийной (секретной) — создание коммунистической организации — и явной — основание местной секции LADLA.

Ситуация в Пуэрто-Рико разительно отличалась от общей латиноамериканской. Остров контролировался властями США и во многом напоминал колонию. Одновременно здесь происходили важные социально-экономические изменения. Добившись независимости от Испании, Пуэрто-Рико столкнулся с «конкистой» англо-саксонского капитала. За три первых десятилетия XX в. США вложили в развитие острова около 120 млн долл., быстро американизировав его экономику. Пуэрто-Рико пользовался преимуществом свободной торговли с новой метрополией и попал в зависимость от американских рынков, укрепив при этом монокультурный и агро-экспортный характер экономики. Заметные успехи были достигнуты в швейной промышленности¹¹. В Пуэрто-Рико, как и на Кубе, наблюдалась экспансия сахарной индустрии под руководством и в интересах североамериканских корпораций, а производство кофе переживало глубокий кризис. Экономический рост, однако, не сказывался на положении основной части населения. Рабочие сахарных плантаций жили на скудный заработок, работая по 12 часов в день, были вынуждены покупать продукты в лавках при плантациях, находились под постоянной угрозой увольнения, потери жилья и т.п. Тысячи пуэрториканцев были безработными и нищенствовали. Власти вложили немало средств в улучшение системы здравоохранения и гигиены, однако из-за низкого уровня жизни островитян эти программы не имели особого успеха. Кроме того, в результате расширения посевов сахарного тростника многие крестьяне оставались без земли, что спровоцировало рост националистических и антиимпериалистических настроений. США пытались «американизировать» пуэрториканцев, сделав английский язык обязательным в государственных школах, однако столкнулись с нежеланием местного населения изучать его. В 1922 г. под руководством Педро Альбису Кампоса была основана Националистическая партия (Partido Nacionalista, PN), вскоре превратившаяся в орудие сопротивления пуэрториканцев господству США¹².

В XIX в. испанские колониальные власти ограничивали права трудящихся, запрещая профсоюзы и забастовки. Однако после перехода острова под контроль США по итогам Испано-американской войны 1898 г. сформировались более благоприятные условия для развития рабочего движения Пуэрто-Рико. Первым профсоюзом стала Свободная федерация трудящих-

ся (La Federación Libre de Trabajadores, FLT), которая установила связи с Американской федерацией труда (American Federation of Labour, AFL). Этот реформистский профцентр, однако, не занимался политической деятельностью: его основной задачей было улучшение экономического положения трудящихся. Потенциальную конкуренцию будущей компартии составляли социалисты, создавшие Социалистическую партию (Partido Socialista, PS) еще в 1915 г. и требовавшие глубоких социальных перемен, резко критикуя капитализм и местные партии, способствовавшие эксплуатации рабочих¹³. Одним из руководителей PS был испанец Сантьяго Иглесиас Пантин — ключевая фигура в местном рабочем движении и один из самых влиятельных людей в AFL. В 1903 г. он был назначен генеральным организатором AFL в Пуэрто-Рико и на Кубе и выступил в роли одного из создателей FLT, а в 1927 г. стал секретарем Панамериканской федерации труда (Panamerican Federation of Labour, PAFL). Под руководством Иглесиаса PS стремительно развивалась. С 1917 г. социалисты возглавляли шесть муниципалитетов, а с 1920 г. — восемь. За них голосовала примерно четверть населения острова.

Руководители AFL стремились превратить пуэрториканское рабочее движение в одну из основ формирования PAFL и преуспели в этом. По оценке Невареса, бюрократический профсоюзный аппарат Иглесиаса полностью доминировал в организованном рабочем движении. Неудивительно, что Хартфилд предпочел немедленному формированию компартии создание антиимпериалистических групп и довольно быстро эту задачу реализовал.

Пуэрториканская секция LADLA была весьма активной, реагируя на все мало-мальски значимые события декларациями, телеграммами и демонстрациями. Неварес смог переубедить Альбису Кампоса, который опасался близкой связи LADLA с коммунистами, хотя лично и был терпим к коммунистическому движению. Он не возражал против участия коммунистов в лиге, однако опасался, что она попадет под контроль компартии. Принципиальное разногласие между националистами и коммунистами Пуэрто-Рико заключалось в том, что первые выступали с воинственным требованием немедленной и полной независимости острова, что, по их мнению, было необходимым условием для решения остальных проблем. Альбису Кампос опасался, что активность LADLA в Пуэрто-Рико сузит поле деятельности для его партии, однако выражал при этом готовность поддерживать лигу в борьбе на международной арене¹⁴. Генеральный секретарь Континентального комитета LADLA Х.А.Мелья характеризовал пуэрториканскую организацию как «прочную секцию и влиятельный комитет», но отмечал, что она сотрудничала преимущественно с PN, «хотя могла заметить чисто буржуазный и шовинистический характер этой партии»¹⁵.

О деятельности секции LADLA благожелательно отзывалась пуэрториканская пресса¹⁶. При этом мало кто мог догадаться о бесспорном влиянии чикагского офиса лиги на «младшего брата». По сути вся деятельность пуэрториканской секции находилась под контролем М.Гомеса.

Опираясь на актив пуэрториканской секции LADLA и находясь под ее легальным прикрытием, Х.Неварес приступил к созданию LCPR. Эта форма коммунистической организации была рекомендована W(C)PA. Историк коммунистического движения США Теодор Дрейпер писал: «В Пуэрто-Рико и в других местах LADLA подготовила почву для возникновения местных компартий. В 1926 г. Гомес получил первый запрос из Пуэрто-Рико

на основании отделения этой партии в США (до тех пор, пока движение в Пуэрто-Рико не станет достаточно сильным, чтобы создать самостоятельную партию). Североамериканцы, однако, рекомендовали основать «коммунистический кружок», управляемый из США «до тех пор, пока он не сможет функционировать самостоятельно»¹⁷.

Неварес создал в Понсе и Сан-Хуане две коммунистические группы, состоявшие в основном из рабочих-табачников. В каждой группе был избран секретарь, связанный с Неваресом, который выполнял функции генерального секретаря и организатора. Следующим шагом стало проведение собрания делегатов обеих групп для создания временного исполкома LCPR, принятия программного заявления, предложенного американской компартией, и составления плана коммунистической пропаганды для «привлечения ценных элементов в других центрах острова», а также подготовки всеостровной коммунистической конференции.

Официально LCPR была основана на собрании в г. Понсе 6 марта 1927 г.¹⁸ после доклада Невареса о положении рабочего класса и принципах его организации на основе учений К.Маркса и В.И.Ленина. Руководство лиги объявило о присоединении к III Интернационалу и выразило уверенность в том, что ее борьба за интересы эксплуатируемых масс Пуэрто-Рико будет успешной только в том случае, если организация признает руководящую роль Коминтерна и станет неотъемлемой частью международных революционных сил¹⁹. Был сформирован исполком LCPR, Х.Неварес Сагер был назначен генеральным организатором, а генеральным секретарем избрали Диего Боскану Торреса²⁰.

В заявлении LCPR говорилось о тяжелом положении рабочего класса и крестьянства Пуэрто-Рико в условиях кризиса, угрожавшего самому их существованию, а также о том, что PS «бесстыдно сотрудничает с врагами рабочих — как с империалистическим правительством, так и с колониальными властями, демонстрируя непонимание характера классовой борьбы и неспособность поднять трудящихся на борьбу». Революционным элементам пролетариата рекомендовалось объединиться для создания коммунистической партии, которая «поведет пролетариат к реализации его исторической миссии». Исходя из этого, коммунисты острова объединились в Коммунистическую лигу Пуэрто-Рико, задача которой заключалась в том, чтобы проложить путь к формированию коммунистической партии²¹.

Гордостью Невареса была ячейка LCPR в Сан-Хуане, в которую входили трое пуэрториканцев, служивших в 65-м полку американской пехоты. Они вступили в LCPR, озлобившись на дедовщину в полку и репрессии на острове, связанные с американским присутствием. Коммунисты из числа военных создавали дополнительные проблемы: они хотели сохранить инкогнито для гражданских членов лиги и ограничить свою деятельность пределами полка. Неварес предлагал рассматривать группу как армейскую ячейку W(C)PA, подчинить руководству исполкома партии, выдать ее членам партийные билеты.

Неварес оценивал политическую ситуацию в Пуэрто-Рико как «блестящую возможность» для коммунистов привлечь на свою сторону рабочих. Но для того, чтобы за нескольких месяцев стать серьезной силой, LCPR не хватало простейших средств пропаганды, и организатор пуэрториканского коммунистического движения выражал надежду на то, что американская компартия будет публиковать издания на испанском языке. По его мнению, они бы могли продаваться в достаточном количестве, чтобы не только воз-

местить расходы, но и получить прибыль. Обещанной W(C)РА помощи неофиты коммунистического движения не получили. Возможно, это было связано с болезнью Рутенберга, курировавшего пуэрториканский проект, но при этом в полной мере отражает общую ситуацию в Коминтерне. Множество перспективных проектов не доводились до конца из-за отсутствия должного финансирования, нередко на них просто не обращали внимания.

Когда личные обстоятельства вынудили Невареса задуматься об отъезде из Пуэрто-Рико, он начал готовить условия для продолжения работы своего детища, надеясь на подготовленных им пуэрториканцев. Американец рассчитывал на помощь члена РСМ Л.Кабреры, который тогда находился в Испании, но намеревался вернуться к осени 1926 г. Его положение преподавателя университета могло облегчить организационную работу в LCPR и способствовать деятельности LADLA²².

В июле 1926 г. Ловстон потребовал у Невареса информацию о результатах его работы по организации LCPR. Очевидно, подробный отчет был им получен в личной беседе с уже бывшим генеральным организатором лиги в Нью-Йорке, куда он вернулся из Пуэрто-Рико в 1927 г.²³ Но, как и опасался Неварес, после его отъезда с острова W(C)РА утратила контакты с LCPR. В этой связи бывший эмиссар американской компартии обратился к венесуэльскому коммунисту С. де ла Плассе, работавшему в РСМ, попросив его помочь установить связи с LCPR (ею тогда руководил Гейгель Поланко) «без посредничества Мануэля Гомеса»²⁴.

Вновь в орбите интересов международного коммунистического движения Пуэрто-Рико оказался лишь после начала работы Карибского бюро Коминтерна в 1931 г. Через несколько лет произошло повторное основание PCPR (официальной датой считается 23 сентября 1934 г.). В одном из изданий Коминтерна уточнялось: партия образована из ранее действовавших коммунистических групп²⁵. В этом плане историография, созданная самой PCPR, отличается от московской версии и сообщает лишь о группах, организованных в 1931—1932 гг.²⁶ На веб-странице «Википедии», посвященной истории формирования PCPR, также указано, что «PCPR была создана в 1934 г. диссидентами, ушедшими из FLT, профсоюзного орудия соцпартии»²⁷. Таким образом, из истории революционного движения острова был исключен важный период деятельности пуэрториканских коммунистов, связанный с Джеймсом Хартфилдом.

В начале 1928 г. Хартфилд отправился в Колумбию. В дороге его застали известия о постановлении ИК W(C)РА по поводу троцкистско-зиновьевской оппозиции в ВКП(б), и он решил выразить свое отношение к этим решениям как коммунист, занимающийся антиимпериалистической работой: «В ходе моей деятельности в антиимпериалистических движениях колониальных и полуколониальных стран я наблюдаю, что угнетенные массы ощущают важность Октябрьской революции и СССР для их собственной эмансипации от империалистического хомута»²⁸. Расценив троцкистско-зиновьевскую оппозицию как пробуждающую необоснованный пессимизм относительно возможностей диктатуры пролетариата в СССР, Неварес зачислил ее в разряд врагов колониальных освободительных движений.

Недвусмысленно высказываясь по поводу сложных внутривнутрипартийных противоречий в ВКП(б), Неварес жаловался на свою изолированность и оторванность от коммунистического движения: «Я ничего не знаю о том, что происходит на севере... [в США]... Еще меньше знаю о происходящем

в Мексике. Из старого номера «Аделанте» <...> я узнал о серьезном положении в Аргентине <...> прошу в вашем следующем письме разъяснить мне, что происходит в Аргентине. Мы до сих пор ничего не знаем о VI конгрессе [Коминтерна]. Когда я уезжал из Нью-Йорка, я <...> не мог взять с собой никакого материала для чтения <...>. Здесь нет никаких возможностей получать книги, <...> я вот уже три года ничего серьезного не читал»²⁹.

Ситуация, на первый взгляд, парадоксальная: человек, выступавший в роли теоретика и партийного организатора, наставника молодых коммунистов, был не в курсе событий и принятых судьбоносных для международного коммунистического движения решений. Но ведь и вся колумбийская секция Коминтерна, как и Хартфилд, не знала о решениях VI конгресса до возвращения ее делегатов. Дело здесь не в личных проблемах американского эmissара. По сути это была врожденная болезнь «мировой коммунистической партии», управлявшейся из единого центра. Надо было обладать немалым чутьем, чтобы своевременно чувствовать перемены.

Характер переписки Хартфилда с руководством W(C)РА, работниками Коминтерна, Профинтерна, венесуэльской революционной эмиграции и колумбийской Революционной социалистической партии (Partido Socialista Revolucionario, PSR) свидетельствует об интересе к миссии американца в Южной Америке³⁰. Очевидно, его считали посредником в контактах с южноамериканскими коммунистами. Его рекомендации изучались Политкоммиссией W(C)РА и даже в штабе мировой революции в Москве³¹.

Американский коммунист несколько месяцев находился на о. Кюрасао, что было вызвано необходимостью установить связи с колумбийским и венесуэльским революционными движениями. Возможности работы в Венесуэле он обсуждал, в частности, с членами ЦК PSR И.Торресом Хиральдо и М.Кано, с помощью которых предполагал переехать в г.Кукута, откуда планировал «под руководством и в соответствии с дисциплиной ЦИК КП Кол[умбии] продолжить работу по организации движения в Венесуэле». Позднее в Барранкилье Хартфилду удалось создать ячейки Венесуэльской революционной партии (Partido Revolucionario Venezolano, PRV), однако этот успех развить не удалось, поскольку за ним велась слежка. Он опасался ареста и депортации, что, конечно, нарушило бы все планы³². Сам он стремился расширить поле деятельности, обращая внимание Москвы и Нью-Йорка на необходимость уделять больше внимания событиям, происходившим в Колумбии, как оптимальной отправной точки для расширения влияния в «Великой Колумбии в целом» (включая Венесуэлу и Эквадор) и настаивая на необходимости более активного сотрудничества W(C)РА и РСМ с революционным движением трех стран³³.

Если бы не ряд обстоятельств, Хартфилд мог бы принять участие в создании компартий и в других уголках Латинской Америки. Уже из Колумбии он сообщал о «любопытном письме», полученном от друга Анибаля Ибарры-и-Рохаса из Никарагуа: «Я веду пропаганду в пользу либералов и против фракции Чаморро. Я состою секретарем в руководстве. Я также вел работу среди рабочих, но нахожу, что в нынешний момент мы не можем организовать свою партию, поскольку США осуществляют полный контроль над всей жизнью в Никарагуа, а они не желают существования третьей партии. Что касается двух существующих партий, то мы сможем в дальнейшем использовать либералов. <...> Думаю, мы сможем хорошо

поработать». Неварес видел в Ибарре-и-Рохасе человека, который может пригодиться в «общем деле»: «Он сочувствует СССР и нашему движению, и его можно использовать»³⁴. Тем не менее американец так и не съездил в Никарагуа. Да и задачи по созданию там компартии на тот момент ни Коминтерн, ни W(C)PA перед собой не ставили: все усилия были сосредоточены на поддержке Армии защиты национального суверенитета (Ejército Defensor de la Soberanía Nacional, EDSN) под руководством Аугусто Сесара Сандино.

Опыт работы Хартфилда в Колумбии во многом напоминает пуэрториканский. Хартфилд и эмиссар Профинтерна француз Октав Рабатэ оказали серьезное воздействие на развитие PSR и укрепление ее связей с Москвой. В то же время деятельность обоих коммунистических агентов нередко была противоречивой, чем иногда осложняла ситуацию внутри колумбийского рабочего движения во время знаменитой банановой забастовки 1928 г. на плантациях американской «United Fruit Company». Оба коминтерновца активно участвовали в сложных процессах, происходивших в профсоюзах и в PSR, принимая сторону той или иной группы, что далеко не всегда способствовало консолидации рабочего движения в стране.

Банановая забастовка стала важной вехой развития революционного движения. «United Fruit Company», или «Мамита Юнай», как ее называли в Центральной Америке и на Карибах, была подлинным государством в государстве, причем весьма репрессивным: с собственной полицией, тюрьмами, полурабскими условиями труда и оплаты. Более 18 тыс. забастовщиков потребовали от компании соблюдения трудового законодательства, страхования жизни, строительства больниц, предоставления жилья, повышения зарплаты на 50%, легализации профсоюзной деятельности³⁵. С самого начала представители PSR в банановой зоне И.Торрес Хиральдо и М.Кано вместе с лидерами профсоюзов Магдалены (Раулем Маэчей, Альберто Кастрильоном и др.) планировали перерастание экономической борьбы в политическую, причем с ярко выраженным антиимпериалистическим характером. Стратегической целью был подрыв влияния американских монополий в стране и свержение правительства³⁶.

Размах забастовки, высокая степень организованности стачечников и их готовность на самые решительные меры создавали ощущение скорой победы революции. Нелегальная ассамблея партии (29 июля 1928 г.), провозгласив целью «вооруженную социальную революцию», после победы которой «рабочие больше не позволят существование военных диктатур, отличающихся от диктатуры пролетариата», объявила организации партии «революционными ячейками», потребовав от «сторонников марксизма-ленинизма безоговорочного подчинения и железной дисциплины». Для организации вооруженной борьбы PSR был образован Центральный конспиративный комитет ячеек, действовавший параллельно с ЦИК, который осуществлял политическое руководство³⁷. Тогда резко активизировалась вся оппозиция, в особенности леворадикальная, внутри которой вместо консолидации всех сил для обеспечения победы усилилась борьба за ведущую роль в революционном процессе.

Усиление колумбийского забастовочного движения еще до событий в «банановой зоне» обратило на себя внимание руководства Профинтерна, попросившего своего делегата в Южной Америке итальянца Исидоро Адзарио помочь организованному рабочему движению Колумбии «советами и опытом»³⁸. Но если контакты Адзарио с PSR и профсоюзами стали лишь эпизодом в разви-

тии отношений Москвы и коммунистов Колумбии, то работа Хартфилда и Рабатэ стала ключевой в становлении коммунистического движения в стране.

Американец активно вмешался не только в деятельность по организации «банановой» забастовки, но и в противостояние между различными группировками леворадикального движения Колумбии, каждая из которых рассчитывала на поддержку Москвы. Он поддержал группу Кастрильона, выступавшую против вооруженной революции и оппозиционно настроенную к руководству партии, официально признанному Коминтерном. В Кастрильоне — «пролетарии со здоровой революционной психологией, хорошо разбирающегося в вопросах классовой борьбы» — его привлек «четкий и непредвзятый коммунистический взгляд на положение в Колумбии»³⁹. Хартфилд и Кастрильон обвинили ЦИК PSR в «восхищении» радикальными либералами, а также в том, что они твердо верили в неизбежность революции в Колумбии, которая делала ненужной организацию масс. «Они считают, — писал американец, — что все, в чем мы здесь нуждаемся, это несколько шашечек динамита да десяток героически настроенных интеллигентов и тюрьмы, полные мучеников». Он даже пригрозил членам ЦИК создать альтернативную компартию, если они продолжают придерживаться этой линии, и потребовал научиться «различать партию и профсоюзы, а не хвалиться тем, что профсоюзный съезд является съездом компартии»⁴⁰.

Не рассчитывая, очевидно, на победу в полемике против ЦИК и колумбийских делегатов, находившихся в Москве⁴¹, Хартфилд и Кастрильон объявили свою группу в Барранкилье нелегальной компартией, инициировав открытую борьбу против лидеров PSR⁴². Они считали необходимым «развертывать СРП на основе **анти-империализма и национал-социалистической программы** (выделено авторами. — В.Х., Л.Х.)» с целью привлечения мелкой буржуазии, интеллигенции и студенчества и «**руководить ею через посредство коммунистических фракций**» (выделено авторами. — В.Х., Л.Х.), в то время как РСС должна быть по своему составу преимущественно пролетарской⁴³.

Группа создала организационную структуру параллельной партии, сформировала профсоюзную и антиимпериалистическую комиссии, параллельно готовя учреждение крестьянской лиги по образцу РСМ. Политическая комиссия во главе с Хартфилдом разработала программу партии, планируя представить ее на рассмотрение в Москву. В плане предполагалось, что PSR останется легальным прикрытием коммунистической деятельности, тогда как нелегальная компартия будет чисто пролетарской по составу. Атакуя лидеров PSR, Хартфилд все же не считал всех их «безнадежными» для коммунистического движения и даже рекомендовал пригласить освобожденного из тюрьмы под залог Торреса Хиральдо на работу в СССР, чтобы дать ему возможность приобрести ценный опыт для продолжения деятельности.

Имея за плечами три года коммунистической миссионерской деятельности в Латинской Америке, Хартфилд разработал целую программу, которую предложил озвучить на VI конгрессе Коминтерна венесуэльскому делегату Рикардо Мартинесу⁴⁴. В полном соответствии со сложившимся в Коминтерне подходом к латиноамериканским проблемам Хартфилд предлагал рассматривать карибские страны как арену империалистического соперничества между Англией и США.

По мнению Хартфилда, перед Москвой стояла задача сделать венесуэльскую компартию «организующей силой масс против империализма и будущих угнетателей». С учетом трудностей организации нелегальной деятельности внутри Венесуэлы предлагалось ускорить работу по установлению контактов с военными кругами, студенческим движением и рабочими в Каракасе, с нефтяниками промышленной зоны Маракайбо, Арубы, Кюрасао и Тринидада. Следующим шагом должно было стать создание сильных партийных организаций на Кюрасао и Арубе. Особое значение уделялось созданию парторганизации на колумбийско-венесуэльской границе ввиду схожести «революционных проблем». В этой связи Хартфилд предлагал направить «способного товарища», представляющего ЦК PRV в Боготу, ввести его в ЦК PSR, создать венесуэльский отдел РСС (в письмах Хартфилда в то время часто не делалось разницы между революционными социалистами и коммунистами)⁴⁵.

Под «способным товарищем» американский коммунист подразумевал себя. Осуществляя поистине титаническую, приносящую успех организационно-пропагандистскую работу в Карибском бассейне, он был уверен, что вправе рассчитывать на ее признание высшими инстанциями Коминтерна и на получение ответственного поста в PSR или PRV. Хартфилд не собирался оставаться в Колумбии надолго, а предполагал сделать ее ступенькой к следующей миссии — разворачиванию работы в Венесуэле и в карибском регионе в целом. Считая себя весьма важной фигурой в прокоминтерновском секторе левого движения Пуэрто-Рико, он был готов занять ведущие позиции в рядах венесуэльских коммунистов. При этом он, конечно, совершенно не принимал в расчет, что даже таким гораздо более известным фигурам, как братья Мачадо и Сальвадор де ла Пласа, Москва не уделяла достаточного внимания.

Анализируя проблемы развития революционного движения в карибском регионе в целом, Хартфилд отмечал «значительный прогресс Континентального комитета LADLA в установлении контактов», особенно в ходе кампании в защиту Сандино, и полагал, что широкий антиимпериалистический фронт на базе программы комитета уже стал реальностью. При этом он обращал внимание на «очень серьезные препятствия» в деле организации рабочих и создании базы для компартии, предлагая решать эту проблему посредством сотрудничества левых различных стран и формирования Карибского секретариата Коминтерна с участием коммунистов США, Мексики, Колумбии, Венесуэлы, Кубы и Антильских островов⁴⁶.

Если бы тезисы американца прозвучали на конгрессе, они, без сомнения, вписались бы в общий контекст дискуссии. Некоторые из предложенных им идей буквально витали в воздухе. Создание отдельного Карибского секретариата усиленно лоббировала в кулуарах конференции мексиканская делегация, а Р.Мартинес с трибуны конгресса выразил уверенность в том, что Коминтерн пошлет в Латинскую Америку «наиболее опытных людей, чтобы помочь в организации партий, которые являются единственной силой, способной руководить борьбой с американским империализмом и довести ее до конечной цели — создания рабоче-крестьянской Советской республики Латинской Америки»⁴⁷. Хартфилд, конечно, мог стать таким эмиссаром. Но ситуация в Колумбии развивалась стремительно и не всегда соответствовала сценариям, выстроенным американским коммунистом.

Рабатэ, приехавший в Колумбию почти одновременно с Хартфилдом, предпочитал работать с доминирующей в руководстве PSR группой. Он

принял участие в подготовке V рабочего конгресса, пытаясь убедить лидеров партии в необходимости разделения профсоюзной и партийной работы. При этом оценки французского коммуниста оказались схожими с выводами американца. Он не признал партию соответствующей критериям Коминтерна, оценив ее как «исключительно вождистскую организацию, решающую проблемы без участия масс» (при наличии чисто декоративного исполкома руководство осуществлял подпольный Центральный комитет ячеек, состоявший из вождей, «не разбирающихся в политике, однако обладающих связями с массами и боевым духом»)⁴⁸. Эти лидеры выдвигали демагогические лозунги, не соответствовавшие моменту и возможностям рабочего движения: «Да здравствуют Советы!», «Да здравствует красное знамя!». Они также не оттаивались перед поддержкой «героического закона»⁴⁹, считая, что репрессии будут способствовать росту революционного сознания масс.

При этом делегат Профинтерна без большого оптимизма оценивал перспективы сотрудничества с одним из лидеров Революционной социалистической партии Колумбии (Partido Socialista Revolucionario de Colombia, PSRC) Томасом Урибе Маркесом и сменившим его на посту генерального секретаря Мойсесом Приэто «ввиду царящего «касикизма» (вождистских тенденций в партии), но настаивал на необходимости привлечь «в лагерь марксизма» Урибе, который произвел на него впечатление искреннего, революционно настроенного человека, но марксизма не понимающего. Рабатэ не питал иллюзий: авторитет Коминтерна мог оказать воздействие на того в случае совпадения инструкций Москвы с его собственным видением ситуации: немедленно начинать вооруженное выступление. В противном случае следовало ожидать заявления о том, что исполком III Интернационала не знаком с ситуацией в Колумбии. Важно отметить: речь шла о руководителе партии, избранном VI конгрессом Коминтерна под псевдонимом Хулио Риаско кандидатом в члены его исполкома.

Руководство Профинтерна, проанализировав информацию колумбийских делегатов IV конгресса, доклады Рабатэ, письма Кастрильона и Хартфилда, пришло к неутешительным выводам: несмотря на несомненное влияние PSR и Национальной рабочей конфедерации (Confederación Obrera Nacional, CON) на пролетариат Колумбии, профсоюзы организованы так плохо, что говорить об их существовании в организационном плане практически не приходится⁵⁰. Причину этого Красный интернационал профсоюзов усматривал в преобладании в партии и CON интеллигенции, приведшем к господству мелкобуржуазных тенденций, сторонники которых находятся под «обаянием» буржуазной революции, считая, что именно она положит конец страданиям пролетариата. Отметив «поразительную бездеятельность» PSR и CON в борьбе против «героического закона» и в выражении солидарности с забастовщиками Магдалены, Профинтерн заявил, что единственной группой, выполнявшей его инструкции в стране, был центр в Барранкилье, созданный Кастрильоном и Хартфилдом.

Рабатэ и Хартфилд заняли единую позицию по отношению к группе Х. де Диоса Ромеро, развернувшую борьбу за лидерство в рабочем движении и назвавшейся РСС. В Москву посыпались письма с требованием поддержки и признания Коммунистического центра⁵¹ равноправным партнером Коминтерна в Боготе наряду с PSR. Сторонники Диоса Ромеро параллельно с V Рабочим конгрессом провели национальный форум под таким же названием в декабре 1928 г. Категорическое нежелание PSR и группы Барранкилье сотрудничать с Коммунистическим центром оказало решающее

воздействие на Коминтерн и его Южноамериканский секретариат, которые посчитали последователей Диоса Ромеро провокаторами.

Острота политического кризиса в Колумбии, широкий размах революционного движения не позволяли руководящему центру мировой революции допустить бесконтрольного развития перспективного движения, возглавлявшегося его национальной секцией. Ситуация могла выйти из-под влияния Коминтерна, а вполне вероятный успех колумбийской революции, осуществленной без его руководства, — продемонстрировать недостаточную эффективность всемирной коммунистической партии. В итоге дискуссий в Латиноамериканском лендер-секретариате и президиуме ИККИ была сформулирована основа стратегии и тактики колумбийской революции, превращения PSR в «настоящую» компартию.

Президиум ИККИ направил ЦК PSR письмо, в котором предлагались план революционной борьбы «со всеми империализмами» и создание рабоче-крестьянского правительства, а также установление связи освободительного движения внутри страны с антиимпериалистической борьбой в других странах Латинской Америки⁵². Президиум признал, что опыт, приобретенный пролетариатом Колумбии благодаря «банановой стачке», способствовал росту сознания в партии, который помогал исправлять ошибки и готовить новое массовое сопротивление с большим шансом на успех. При этом высшая структура Коминтерна считала, что для превращения PSR в революционную партию она должна «направить на правильные рельсы» недовольство масс и широких слоев мелкой буржуазии, организовав их под своим влиянием. Ошибкой революционных социалистов, считали в Коминтерне, была не ориентация на «прямое действие», а отсутствие серьезной солидарности с бастующими. И порождена она была восприятием партийными лидерами революционного движения как «простой вещи», в которой можно импровизировать.

Москва настаивала на решительном разрыве с «лирической революционной фразеологией» «умирающего либерализма» и на выработке пролетарской коммунистической идеологии⁵³. Таким образом, Коминтерн указывал колумбийцам тот же путь, что и европейским компартиям, разве что место социал-демократов за отсутствием таковых занимали либералы.

Руководству PSR предлагалось коренным образом пересмотреть свою деятельность, организовать классовую партию, превратить ее из партии кадров в партию масс. Вместо сложившейся структуры партии революционные социалисты должны были создать сеть производственных ячеек и местных организаций. Призывая колумбийских трудящихся вступать в PSR для ее превращения в пролетарскую партию, встать на путь, проложенный рабочими и крестьянами России, руководство Коминтерна явно демонстрировало механистический подход. Без серьезного научного анализа различий революционных процессов Колумбии и России, на основе обрывочной и далеко не всегда достоверной информации президиум ИККИ указал колумбийским пролетариям единственный путь к победе революции — повторение российского опыта, лишь потому, что данный подход в России оказался успешным. Недостаточная эффективность подобной стратегии была заложена на самой начальной стадии ее разработки.

В феврале 1929 г. президиум ИККИ утвердил и направил документы в Боготу. Через полгода с его письма был снят гриф «Секретно», и оно было напечатано в журнале Южноамериканского секретариата Коминтерна

(ЮАСКИ) «La Correspondencia Sudamericana». Эта публикация стала важным фактором кампании по реорганизации партии. После первой Конференции компартий Латинской Америки делегат Коминтерна в Южной Америке Жюль Эмбер-Дро подтвердил неутешительный вывод: PSR является массовой, но в ней нет коммунистического ядра. Надежды на то, что им станет группа Кастрильона, оказались призрачными. По мнению Эмбер-Дро, группа не представляла подлинную коммунистическую идеологию. Посланцы Москвы оказались «в полном смущении»: они не знали, на кого из лидеров PSR можно опереться в деле формирования коммунистической группы внутри партии⁵⁴. Для Коминтерна, официально признавшего на VI конгрессе PSR своей секцией, подобное положение становилось нетерпимым.

В конечном итоге руководство Коминтерна утратило надежду на самостоятельную трансформацию PSR и прибегло к радикальным мерам, направив в Колумбию делегацию ИККИ (в составе выпускников Международной Ленинской школы — колумбийца Гильермо Родригеса Эрнандеса (Умберто Гильена), его жены-венесуэлки Кармен Фортул (Инес Мартель) и американца Джозефа Зака (Корнфедера). Это решение основывалось на установке VI конгресса, обязывавшей президиум ИККИ помочь PSR превратиться в «настоящую» компартию. Радикальное вмешательство президиума ИККИ объяснялось рядом «тяжелых ошибок», допущенных вождами колумбийской секции: они не передали членам PSR резолюцию Первой конференции компартий Латинской Америки, прекратили забастовку, не проведя кампанию солидарности по всей стране, дали интервью буржуазной печати, обратились к правительству с ходатайством о прекращении преследований забастовщиков, придерживались ошибочной политической концепции Урибе и Торреса Хиральдо в вопросе о военном блоке с либеральными генералами⁵⁵. В большинстве своем это были ошибки не партии, а лидеров, которые вели непримиримую борьбу друг с другом. То, что еще несколько месяцев назад считалось «болезнями роста» и обсуждалось в ходе конструктивных дискуссий, неожиданно превратилось в «тяжелые ошибки». При этом ни ИККИ, ни его ЮАСКИ не взяли на себя ни доли ответственности за положение в партии, которое окончательно перестало устраивать Москву только в тот момент.

Неварес всегда подчеркивал необходимость строго придерживаться международной дисциплины. Особенно ярко это проявилось в период реорганизации PSR. После получения одного из писем Южноамериканского секретариата ряд членов исполкома PSR обвинили подписавшего его секретаря ЮАСКИ Викторико Кодовилью «в правизне». Лидеры партии⁵⁶, в свою очередь, признали критику, сделанную Кодовильей, «взвешенной и соответствующей самому чистому марксизму». Кроме того, в заявлении подчеркивалось, что критика «сделана не Кодовильей, а Латиноамериканским секретариатом, структурой, которая находится выше колумбийского ЦИК и которая имеет право отдавать ему приказы <...>, можно только подчиниться таким требованиям или отказаться от подчинения, отделившись, таким образом, от Международного руководства. Эту последнюю возможность мы даже ни на секунду не хотим рассматривать»⁵⁷.

В сентябре 1929 г., намереваясь покончить с разногласиями по поводу состава руководства и повысить эффективность работы, члены ЦИК PSR, выполняя решения конференции в Буэнос-Айресе, приступили к формиро-

ванию нового ЦК партии, увеличив в нем число рабочих. Перед избранным ЦК (в состав которого вошел и «делегат американской партии» Хайме Неварес) была поставлена задача по организации партии «в соответствии с доктринами и основополагающими принципами марксизма-ленинизма, то есть доктринами Коминтерна, утвержденными на последнем конгрессе партии». Американец оказался на первых ролях: он стал членом генерального секретариата, ответственным за организационный отдел и, как его руководитель, вошел в Политбюро⁵⁸.

Почти год ушел у этого партийного органа на выполнение условия, поставленного VI конгрессом при приеме PSR в Коминтерн: сделать из колумбийской и эквадорской секций «подлинные коммунистические партии, преобразовав и укрепив их организацию, повысив их идеологический уровень и углубив классовое сознание»⁵⁹. Судьбоносное решение об окончательном преобразовании PSR («ликвидации ошибочного прошлого», как назвал этот процесс глава делегации ИККИ Г.Эрнандес Родригес) было принято расширенным пленумом исполкома в июле 1930 г. Неварес участвовал в его подготовке и работе как делегат от ЦК⁶⁰.

Пленум стал серьезным испытанием авторитета американского коммуниста. Во время обсуждения кандидатур в состав руководства реформируемой партии на Невареса, выдвинутого кандидатом в ЦИК, обрушился шквал критики. Он, в течение двух лет являвшийся ментором колумбийских неофитов коммунистического движения и экспертом, к мнению которого прислушивались и его адепты, и те, кому его оценки были не по душе, услышал в свой адрес много неприятных слов. Особенно неожиданным стало то, что против него выступили как раз те, кого он мог по праву считать своими учениками и последователями.

Во время дискуссии делегат Карлос Куэльяр выступил против присутствия Невареса в новом руководстве, «поскольку это колеблющийся индивидуум и оппортунист, умеющий оставлять в протоколах доказательства своей приверженности линии, но на самом деле ведущий иную работу». Куэльяр обвинил Невареса в том, что он «больше всех повлиял на решение выставить кандидатуру Кастрильона [на президентских выборах] <...> и говорил, что когда Кастрильон выйдет [из тюрьмы], надо сделать его лидером группы». Подлинным ударом для Невареса стала и пламенная речь Кастрильона: «Своей переменчивой линией он внес вклад в то, что мы запутались, когда я написал оскорбительное письмо в адрес К.И., я показал его Неваресу, и тот его приветствовал. <...> Он походил на ласточку, искавшую наиболее сильную фракцию, к которой примкнуть, не обладая четкой линией. В Барранкилье он принадлежал к путчистской линии, когда Томас [Урибе] вышел из тюрьмы, Неварес говорил с ним и потом заявил, что Урибе — лучший активист во всей Колумбии. Меня он воспевал и следовал за мной, затем — за Урибе, в общем, Неварес покинул каудильо Альберто Кастрильона чтобы следовать за каудильо Томасом Урибе Маркесом»⁶¹. Позиция Кастрильона по-человечески понятна: став объектом серьезной критики за «путчизм» и попав под дисциплинарные санкции ЮАСКИ и Коминтерна, он ревностно относился к личной карьере тех, с кем был связан ранее, не желая оказаться одним из немногих «козлов отпущения». Кроме того, Кастрильон стремился доказать свою полезность Москве. Отсюда — и его жесткие нападки на Невареса и Маэчу (которого

он потребовал исключить из партии). Но американскому коммунисту, конечно, не было легче от понимания причин подобного поведения Кастильона.

В защиту американца выступил Рене Бакеро Эррера, подчеркнувший, что Неварес «является хорошим активистом, что он активно работает, и хотя у него были некоторые колебания и слабости, но он защитил ЮАСКИ, в ходе дискуссий он был ближе к линии Коминтерна, чем другие». Его поддержал Сабогаль: «Может быть, он и не был тверд и колебался, но он поддерживал линию Коминтерна». Итог дискуссии подвел представитель ЮАСКИ Мигель Контрерас (Росалес), признавший, что Неварес «защищал Коминтерн, но для достижения консенсуса предложивший отозвать кандидатуру американца, считая, «что он будет работать и вне руководства, и что у него будет возможность вернуться в ЦК»⁶². Москве вместо прежней гетерогенной PSR была нужна новая консолидированная компартия Колумбии. И ради этого вполне можно было пожертвовать не только «пешками», но и рядом более важных фигур на шахматной доске «большевизации».

В новый ЦИК РСС Неварес вопреки первоначальным планам не вошел. После этого прекратилась его переписка с Нью-Йорком и Москвой, его фамилия перестала упоминаться во внутрипартийных документах. Можно только предполагать, с чем это было связано: либо с тем, что его миссия была сочтена выполненной, либо с тем, что теперь ему было «не по рангу» писать в высшие инстанции Коминтерна. Последний доступный нам документ о деятельности Джеймса Хартфилда — письмо Карибского бюро, в котором говорится о принятом весной 1931 г. решении по поводу «перевода товарища Джеймса на работу в другую страну». Сделано это было через голову руководства РСС, узнавшего о кадровой перестановке только из писем Р.Мартинеса, вернувшегося из Москвы, чтобы возглавить представительство Профинтерна в Латинской Америке и США. В связи с этим Карибское бюро Коминтерна приняло постановление, требовавшее получать согласие ЦК партий во всех случаях, когда Профинтерн или МОПР считают необходимым использовать коммунистов для работы в своих структурах или когда они планируют их перевод для работы в другой стране.

Возможно, Хартфилд и продолжил работу миссионера мирового коммунизма, но уже под другим именем. Установить это пока не удалось. Несмотря на куда более значимые результаты колумбийской миссии Хартфилда по сравнению с пуэрториканской, он исчез с политической сцены. Мавр сделал свое дело... Компартия Колумбии, «ликвидировавшая» свое «революционное социалистическое прошлое», согласно указаниям из Москвы, в услугах Хартфилда больше не нуждалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устав Коммунистического Интернационала. (Принят VI конгрессом КИ 29 августа 1928 г. в Москве). — Стенографический отчет. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. М.—Л., 1928, с. 165.

² Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.). Стенографический отчет. М.—Л., 1927, с. 14, 698; Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932. М., 1933, с. 51, 537.

³ В одном из документов периода его работы в Колумбии указывается, что он преподаватель, а в другом — что он служащий.

⁴ K. M e s c h k a t y J. M. R o j a s (comps.). Liquidando el pasado. La izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética. Bogotá, 2009, p. 817.

⁵ Работая на плантации в Майагесе шесть дней в неделю за мизерную зарплату, Неварес не имел возможности свободно ездить по стране для установления контактов. Он, однако, продолжал смотреть в будущее с оптимизмом, выражая надежду на то, что «когда удастся скопить достаточно денег <...> я посетю Сан-Хуан и буду пробовать найти работу неподалеку, поскольку Сан-Хуан — лучшее место, чтобы продолжить деятельность». — Письмо Х.Невареса Сагера Джею Ловстону. 16 марта 1927 г. — РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 1011, л. 20; Письмо Джеймса Н.Сагера Ч.Рутенбергу. Сан-Хуан, Пуэрто-Рико, 15 июня 1926 г. — Там же, д. 717, л. 18. Важно отметить отсутствие какой-либо реакции руководителей W(C)РА на драматичное заявление ее посланца, несмотря на то, что его отъезд из Пуэрто-Рико грозил пустить под откос с трудом налаженный им процесс формирования коммунистической организации.

⁶ Die Liga gegen Imperialismus und für nationale Unabhängigkeit: 1927—1937. Leipzig: Karl-Marx-Universität, 1987; F.P e t e r s s o n. Willi Münzenberg, the League against Imperialism, and the Comintern, 1925—1933. 2 Vol. Edwin Mellen Press, 2014; M.S t e v e n s. “Hands off Haiti!”: Self-determination, Anti-imperialism, and the Communist Movement in the United States, 1925—1929. — Black Scholar, 2008, vol. 37, № 4; Г.З.С о р к и н. Антиимпериалистическая Лига (1927—1935). Исторический очерк. М.: 1965; D.K e r s f f e l d. Contra el Imperio. Historia de la Liga Antiimperialista de las Américas. México, 2012; R.M e l g a r B a o. The Anti-Imperialist League of the Americas between the East and Latin America. — Latin American Perspectives, 2008, Vol. 35. № 2, p. 9—24.

⁷ M.G o m e z. Report on CP of Mexico and its 3rd annual Congress April 7—13, 1925. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 515, оп. 1, д. 539, л. 65, 70.

⁸ El Libertador, México, 1925, № 5. Цит. по: J.A.M e l l a. Documentos y Artículos. La Habana, 1975, p. 173. Кубинская секция LADLA официально была учреждена 27 июня 1925 г. — Algunos acontecimientos importantes de la historia del movimiento comunista de Cuba. El militante comunista. La Habana, 1985, № 8, p. 117.

⁹ Ввиду недостатка документальной базы эта тема исследована мало. Отметим, однако, что в последние годы исследовательница Сандра Пужалс (Пуэрто-Рико) изучает деятельность отделения LADLA на острове и его связи с националистическим движением.

¹⁰ Письмо Д.Босканы Торреса, генерального секретаря Коммунистической лиги Пуэрто-Рико Исполнительному совету Коммунистической лиги Соединенных Штатов. Понсе, Пуэрто-Рико, 15 марта 1927 г. — РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 1011, л. 17; Письмо Х.Невареса Сагера Джею Ловстону, л. 20.

¹¹ L.M.G o n z á l e z G a r c í a. Una puntada en el tiempo. La industria de la aguja en Puerto Rico (1900—1920). Santo Domingo, CEREP, CIPAF, 1990.

¹² R.F e r n á n d e z. The Disenchanted Island: Puerto Rico and the United States in the Twentieth Century (2nd ed.). Praeger Paperback, 1996; O.J i m é n e z d e W a g e n h e i m. The Puerto Ricans: A Documentary History. Markus Wiener Publishers, 2002; R.A.V a n M i d d l e d y k. The History of Puerto Rico. IndyPublish.com, 2004.

¹³ G.L.G a r c í a y A.G.Q u i n t e r o R i v e r a. Desafío y solidaridad: breve historia del movimiento obrero puertorriqueño. Río Piedras, 1986, p. 81.

¹⁴ Письмо Дж.Н.Сагера М.Гомесу. 2 февраля 1926 г. Пуэрто-Рико. — РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 917, л. 2.

¹⁵ Х.А.М е л ь я. Информация о Всеамериканской Антиимпериалистической лиге. Москва, 25 марта 1927 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 604, л. 4, 6.

¹⁶ Письмо Х.Н.Сагера Ч.Э.Рутенбергу. Сан-Хуан. 24 августа 1926 г. — Там же, д. 717, л. 27—28.

¹⁷ Th.D r a p e r. The American Communism and Soviet Russia. New York, 1960, p. 178.

¹⁸ В учредительном собрании приняли участие 16 человек. — Письмо Х.Невареса (Дж.Хартфилда) Джею Ловстону. Список товарищей, учредивших Коммунистическую Лигу Пуэрто-Рико. 16 марта 1927 г. — Там же, д. 1011, л. 19.

¹⁹ Statement by the Communist League of Porto Rico. — Там же, л. 22.

²⁰ Информация об учреждении Коммунистической Лиги Пуэрто-Рико. Понсе, Пуэрто-Рико, 6 марта 1926 г. — Там же, л. 11. Коммунистическая лига Пуэрто-Рико решила вступить в качестве коллективного члена в LADLA.

²¹ Statement by the Communist League of Porto Rico. — Там же, л. 22.

²² Письмо Дж.Сагера (Дж.Хартфилда) Ч.Рутенбергу. Сан-Хуан, 15 июня 1926 г. — Там же, д. 717, л. 18.

²³ Телеграмма Генерального секретаря Сагера (Дж.Хартфилду). 1 июля 1926 г. — Там же, л. 22; Письмо Х.Н.Сагера (Дж. Хартфилда) Джею Ловстону. Нью-Йорк. — Там же, д. 1011, л. 59. Дата отъезда Х.Невареса из Пуэрто-Рико неизвестна. Последний доступный нам документ, свидетельствующий о его пребывании на острове (телеграмма LCPR по поводу смерти Ч.Рутенберга, подписанная Д.Босканой и им) датирован 30 марта 1927 г. — Porto Rico Workers Mourn the Death of Ch.E.Ruthenberg // Daily Worker (Chicago), 30.III.1927; New York Public Library. Bertram Wolfe Collection. Box 2. Letter from the Liga Anti-Imperialista de las Américas (Sección de Puerto Rico) to the Daily Worker on the death of C.E.Ruthenberg.

²⁴ Письмо Х.Невареса С. де ла Плассе в Мехико. Барранкилья, 15.6.1928. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 19, л. 7.

²⁵ Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. (Материалы). М., 1935, с. 422.

²⁶ Политические партии стран Латинской Америки. М., 1965, с. 305.

²⁷ The Puerto Rican Communist Party. — http://en.wikipedia.org/wiki/Puerto_Rican_Communist_Party (consultado el 20 de agosto de 2014). То же самое утверждается и на веб-сайте самой PCPR. — Refundación Comunista de Puerto Rico. De los archivos de Refundación Comunista (Puerto Rico). Marzo 8, 2012. — <http://abayarderojo.org/index.php/de-los-archivos-de-refundacion-comunista-puerto-rico/> По крайней мере, двое из 14 делегатов Учредительной ассамблеи PCPR в 1934 г. — Хосе Ланаусе Ролон и Мигель Баамонде (оба из Понсе) являлись активистами движения с 1925 г. и сотрудничали с прокоммунистической газетой La Tribuna. Вероятно, они были знакомы и с Неваресом.

²⁸ Письмо Х.Невареса Сагера Джею Ловстону. Кюрасао, Нидерландская Вест-Индия, 19 января 1928 г. — РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 1328, л. 10.

²⁹ Письмо Х.Невареса Сагера Рикардо Мартинесу 29 августа 1928 г. из Барранкильи. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 19, л. 24—25.

³⁰ Хартфилд вел переписку, в частности, с секретарем Латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ Ж.Эмбер-Дро, лидером W(C)РА Дж.Ловстоном и с руководителем Латиноамериканской секции Профинтерна Р.Мартинесом, с которым был близко знаком по работе в Союзе венесуэльских рабочих в США.

³¹ Письмо Хайме Невареса Рикардо Мартинесу в Латиноамериканскую секцию ИККИ. Барранкилья, Колумбия, 2.VIII.28. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 19, л. 16; Письмо Исполнительного секретаря Х.Неваресу. 7 апреля 1928 г. — РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 1328, л. 32; Письмо Исполнительного секретаря Р(К)ПА Джея Ловстона Хайме Чакону (адрес для связи Невареса). — Там же, ф. 515, оп. 1, д. 1328, л. 104.

³² Письмо Х.Невареса Джею Ловстону. Барранкилья, Республика Колумбия. 21 марта 1928 г. — РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 1328, л. 25; Письмо Хайме Невареса Рикардо Мартинесу, л. 16; Письмо Исполнительного секретаря Х.Неваресу. 7 апреля 1928 г., л. 32; Письмо Исполнительного секретаря Р(К)ПА Джея Ловстона Хайме Чакону, л. 104; Письмо Х.Невареса Сагера Рикардо Мартинесу 29 августа 1928 г. из Барранкильи, л. 24.

³³ Письмо Х.Невареса Сагера Рикардо Мартинесу 29 августа 1928 г. из Барранкильи. Л. 21; Х.Неварес Сагер — Джею Ловстону Исполнительному секретарю Р(К)ПА. Нью-Йорк. Съенага, Колумбия. 25 ноября 1928 г. — РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 1328, л. 91.

³⁴ Письмо Хайме Невареса Рикардо Мартинесу. Лл. 16 – 17.

³⁵ M.Archila Neira y L.J.Torres Cendales. Bananeras: Huelga y Masacre. 80 Años. Bogotá, 2009.

³⁶ С.А.Гонимонский. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973, с. 207—208; El movimiento revolucionario colombiano. — La correspondencia sudamericana. Buenos Aires, 1929, № 6, p. 33—34; Письмо Х.Невареса Сагера Исполнительному секретарю Р(К)ПА Джею Ловстону. Санта-Марта, Магдалена, Колумбия. — РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 1328, л. 105; E.Caicedo. Historia de las luchas sindicales en Colombia. Bogotá, 1977, p. 49—50; K.Meschkat. Marxismus in Kolumbien. Zur verhaltung von revolutionstheorie und sozialer bewegung. Hannover, 1980, s. 36—37.

³⁷ Заявление Пленарной Ассамблеи СРП 29 июля 1928 г. — Там же, ф. 495, оп. 104, л. 18, л. 43; M.Medina. La protesta urbana en Colombia en el siglo XX. Bogotá, 1984, p. 39.

³⁸ Письмо Профинтерна Ансельми (И. Адзарио) 6 мая 1927 г. — РГАСПИ, ф. 534, оп. 4, л. 185, л. 22.

³⁹ Письмо Х.Невареса Сагера Рикардо Мартинесу 29 августа 1928 г. из Барранкильи, Л. 21.

⁴⁰ Там же, л. 22.

⁴¹ Делегаты PSR на VI конгрессе Коминтерна и IV конгрессе Профинтерна Х.Карденас и Н.Арсе.

⁴² При этом создатели новой партии подчеркивали, что они «чисты перед Красным Интернационалом профсоюзов», и их отказ поддержать решения ассамблеи PSR не означает ни дезертирства, ни желания создать диссидентскую фракцию внутри партии. См.: Заявление группы Барранкильи 15 сентября 1928 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 18, л. 10.

⁴³ Письмо Х.Невареса Сагера Рикардо Мартинесу 29 августа 1928 г. из Барранкильи, л. 23.

⁴⁴ Письмо Х.Невареса Сагера Рикардо Мартинесу. Венесуэльская революционная партия. — РГАСПИ, ф. 534, оп. 7, д. 95, л. 45.

⁴⁵ Там же. Об этом же американец писал и С. де ла Плассе в Мексику. — Письмо Х.Невареса Сагера С. де ла Плассе в Мехико, л. 12.

⁴⁶ Л. 50—51.

⁴⁷ Речь тов. Мартинеса. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Выпуск № 4. М.—Л., 1929, с. 276.

⁴⁸ Письмо В.Кодовильи в Латинский секретариат Коминтерна 22 декабря 1928 г. — Там же, ф. 503, оп. 1, д. 19, л. 70; Утреннее заседание ЮАСКИ 27 мая 1929 г. — Там же, ф. 495, оп. 104, д. 29, л. 1.

⁴⁹ Принятый Сенатом Республики в октябре 1928 г. «Героический закон» запрещал пропаганду большевизма и коммунизма, нападки на религию и посягательства на права частной собственности и предусматривал арест любого по подозрению.

⁵⁰ Положение в Колумбии. Документ ИБ Профинтерна. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 20, л. 29.

⁵¹ Название руководящего органа компартии Х. де Диоса Ромеро.

⁵² Письмо Президиума ИККИ к ЦК РСПК. Утверждено Президиумом 13.II.1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 24, л. 50.

⁵³ Там же, л. 64, 66. В качестве примера неправильной тактики PSR президиум ИККИ указал на единый фронт с либералами в борьбе против «героического закона», позволивший вождям либеральной партии выступить в качестве руководителей борьбы против репрессий, и подчеркнул, что такая тактика может привести только к поражению революционных социалистов.

⁵⁴ Стенограмма доклада Ж.Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки 12 июля 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 53, л. 61—87.

⁵⁵ Credencial de la delegación de la I.C. al Partido Socialista Revolucionario de Colombia. 25 de noviembre de 1929. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 27, л. 7.

⁵⁶ Декларацию подписали действовавший генсек PSR Прието, его предшественник Урибе, бывший генсек PSR и будущий генсек РСС Рафаэль Бакеро Эррера, а также Неварес.

⁵⁷ Заявление для протокола заседания Политбюро 16 января 1930 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 44, л. 11.

⁵⁸ Письмо генерального секретаря PSR Р.Бакеро секретарю КИ товарищу Эмберу Дро. Богота, 21 сентября 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 32, л. 23.

⁵⁹ Резолюция по поводу присоединения коммунистических партий Кубы, Кореи, Новой Зеландии, Парагвая, Ирландской рабочей лиги, Социалистической партии Эквадора, Революционной социалистической партии Колумбии к Коммунистическому Интернационалу. Принята на 46-м заседании 1 сентября 1928 г. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. М.—Л., 1929, с. 175.

⁶⁰ Comité Ejecutivo Nacional Ampliado. Reunido en Bogota. Sesión preparatoria. Julio 5 de 1930. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 43, л. 2—7.

⁶¹ Протокол заседания пленума Национального исполнительного комитета PSR 12 июля 1930 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 43, л. 50.

⁶² Протокол заседания пленума Национального исполнительного комитета PSR 12 июля 1930 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 43, л. 50.